

**Отзыв на автореферат
диссертации Марины Юрьевны БОЧАРОВОЙ
«Образы власти на почтовых открытках Японии
конца периода Мэйдзи»,**

представленной на соискание ученой степени кандидата культурологии
по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Объектом исследования М.Ю. Бочаровой стали японские почтовые открытки – «тихий артефакт» (как характеризует его сама соискатель), собственно художественные качества которого практически не привлекали внимания специалистов. Автор диссертации не просто вводит в отечественную науку хронологически, функционально и тематически ограниченный блок произведений печатной графики, но акцентирует их значение в качестве и элемента визуальной культуры Японии, и важного средства политической пропаганды в важный момент укрепления империи и ее выхода на международную арену.

Первое, что обращает на себя внимание при обращении к материалам диссертации М.Ю. Бочаровой – четкое и лаконичное определение в самом названии работы объекта и предмета исследования. Хотя в заглавие и не вынесена конкретная проблема, читателю сразу понятно, что материалом (т.е. объектом) выступает ограниченный корпус японских почтовых открыток (ограничение связано в первую очередь с датировкой), а постановка вопроса (т.е. предмет) сведена к «образам власти», т.е. к визуальной репрезентации политической риторики Японской империи в конкретный промежуток времени. Автор четко и аргументировано ограничивает хронологические рамки рассматриваемого материала и грамотно характеризует круг привлекаемых аргументов (источников).

Второй аспект, вызывающий интерес к исследованию, – его цель, сформулированная как «выявление особенностей конструирования и репрезентации образов власти» (с. 5 Автореферата) и повлекшая вполне обоснованный перечень задач. Подобные тема, цель и подход, подразумевающий акцентирование самого механизма создания художественных образов, используемых в пропагандистских целях, оказывается в русле целого ряда искусствоведческих и культурологических исследований последних лет и согласуется с выводами значительного числа диссертаций, освещающих схожие вопросы на совершенно ином хронологическом, географическом и фактическом материале. Это свидетельствует, во-первых, об актуальности предпринятой работы, и, во-вторых, о применимости ее результатов.

Некоторые вопросы может вызвать выбор методов: из них исключена традиционная иконография, автор признается в следовании подходу Д. Баше, более удобному для типологического исследования. Однако это следование вполне аргументировано в рамках культурологических задач, predeterminedных рассмотрением тиражируемых

изображений в процессе коммуникации между властью и подданными, и в данном случае предпочтение типологических и семиотических набросков видится не только оправданным, но и перспективным, в чем убеждает дальнейшее исследование.

Выносимые на защиту положения сформулированы достаточно четко, аргументированы в основной части текста и приобретают характер обоснованных выводов. Данная во Вводной части общая характеристика работы выглядит корректной, достаточной и исчерпывающей.

Содержание глав и параграфов диссертации в Автореферате отражено лаконично, но вместе с тем достаточно для того, чтобы понять и структуру работы, и авторскую логику изложения, и причинно-следственные связи, констатируемые соискателем. Целый ряд замечаний, касающихся изменения приоритетных идей в Японии периода Мэйдзи, визуализации власти и необходимого отбора образов, превращения феодальных родовых эмблем в государственные символы, сложения новой для Японии образной системы, ее трансляции с помощью печатной графики как средства пропаганды, государственный контроль печатной продукции обнаруживают подтверждения и параллели и на современном актуальном материале.

Однако в тексте Автореферата (возможно, и самой диссертации) не нашли отражения некоторые вопросы, лишь частично относящиеся в теме исследования, но очевидно связанные с материалом и безусловно способные дополнить авторские положения и выводы.

Во-первых, следовало бы уточнить собственно коммуникативную функцию открыток – не только как коллекционных предметов и изобразительных источников, но именно как почтовых отправлений: наличие ассортимента, возможности и специфику выбора изображения покупателем, особенности размещения текста открытого письма (что автоматически вызывает вопрос о функционировании цензуры), гашения почтовым штемпелем и т.д.

Во-вторых, к сожалению, и в рубрикации, и в тексте работы особо не выделена Русско-японская война 1904–1905 гг., приходящаяся на выделенный хронологический отрезок «конца периода Мэйдзи» – остается неясным, нашла ли она отражение на почтовых открытках как особая тема (аналогично японским лубочным картинкам, которые уже становились объектами исследования М.В. Есиповой), и в случае положительного ответа на данный вопрос возник бы целый ряд сюжетов и сопоставлений, безусловно актуальных именно для российского исследователя.

Следует отметить, что ограничение объекта исследования, необходимое и логичное в рамках кандидатской диссертации, далее может сковывать автора. Очевидно, что при продолжении работы в рамках обозначенной проблематики будет необходим выход за пределы лишь почтовых открыток и привлечение других групп источников, которые могли использоваться в качестве носителей визуальной риторики, прежде всего печатной продукции рекламного назначения – плакатов, листовок, этикеток и т.д. Нелишним кажется и выход за пределы японского материала и обращение к географически (а, возможно, и хронологически) более широким аргументам.

Автореферат полностью отражает основные характеристики и содержание основного текста диссертации и свидетельствует о том, что представленная диссертация «Образы власти на почтовых открытках Японии конца периода Мэйдзи» является самостоятельным

оригинальным научно-квалификационным исследованием, убедительно демонстрирующим зрелость исследователя, владение материалом и методами работы с ним, знание базы источников и научной литературы. Задачи, поставленные исследователем, решены, вынесенные на защиту положения получили необходимую аргументацию.

Автореферат позволяет заключить, что представленная диссертация соответствует предъявляемым требованиям, а соискатель Марина Юрьевна Бочарова заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства.

Доктор искусствоведения
Профессор Института архитектуры и искусства НАНА
Зав. Сектором искусства стран Азии и Африки
Государственного института искусствознания МК РФ

Евгений Иванович КОНОНЕНКО

10.12.2024

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«Государственный институт искусствознания»
125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5
тел.: +7 (495) 694-0371, факс.: +7 (495) 785-2406

